

Григорий ЛУГОВСКИЙ

О ПРИРОДЕ САКРАЛЬНОГО

к истокам духовного опыта

Григорий Луговский

**О природе сакрального. К
истокам духовного опыта**

«Издательские решения»

2015

Луговский Г.

О природе сакрального. К истокам духовного опыта /
Г. Луговский — «Издательские решения», 2015

Обращаясь к истокам идеи сакрального, обнаружим, что она далеко не позитивна. Архаические традиции понимали сакральное двояко: как благое, так и опасное; как носитель силы творения и изобилия, так и чреватое смертью, или разрушением. Из этой амбивалентности вытекало, что общение с сакральным требует специфической практики и может быть поручено лишь специалистам. Религиозные институты всегда служили орудиями, упорядочивающими связь общества с сакральным.

© Луговский Г., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Предисловие	6
Проблема сакрального:	7
Сакральное в языке	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

О природе сакрального к истокам духовного опыта Григорий Луговский

© Григорий Луговский, 2015

© Григорий Владимирович Луговский, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Бывает легко дело начать, но трудно закончить. Эта книга писалась почти 18 лет. Конечно, это громко сказано – «писалась», это с перерывами на другие занятия и мысли, и эти перерывы иногда длились несколько лет. Но первый вариант «О природе сакрального» был уже полностью готов в августе 1996 года.

В 1997 г., готовя сборник статей нескольких авторов «Загадки и проблемы человека» (Алчевск-Луганск), я включил в него небольшой конспект книги под заголовком «Аспекты сакрального». В 2002 эта статья была размещена на сайте filosofov.net (ныне не существующем), а оттуда попала в библиотеку Ихтика и на некоторые другие ресурсы, став, таким образом, доступной обществу. Ближе к нашим дням я случайно обнаружил, что на эту статью имеются ссылки в нескольких научных работах, посвященных теме сакрального. Такие упоминания есть в диссертациях Е. А. Калужниковой «Паломничество как ритуал» (Екатеринбург, 2007), А. С. Сафоновой «Сакральное как социокультурный феномен» (СПб, 2007) и статье И. В. Федоровой «Сакральное и его литературоведческая типология» (Южносахалинск, интернет-журнал СахГУ: «Наука, образование, общество» №1, Февраль 2012). В последние годы вообще тема сакрального стала чем-то вроде модного тренда в культурологии. С этим термином носятся, им размахивают часто, а порой не по делу. Это и подтолкнуло меня к необходимости подготовить электронный вариант полного текста «О природе сакрального». В ходе работы первоначальная редакция книги подверглась существенным переработкам, т. к. с 1996 года появилось много новой информации по этой теме, да и мои собственные взгляды на рассматриваемую проблему не остались неизменными.

Г. В. Луговский

Абсолютное никогда не познается нами непосредственно. Мы его воспринимаем только по его отсветам, примерам и подобиям, по отдельным родственным друг другу явлениям; оно нам возвещает, что тайна жизни непостижима, но мы не можем отречься от желания все же постичь и понять её.

И. В. Гёте

Проблема сакрального: вечное двоеение

Идея сакрального принадлежит двум реальностям, существуя как явление архаической духовной традиции и научного языка современной культурологии и религиоведения. Можно сказать, что в историческую эпоху там, где господствовали религии, возникшие в «осевое время»¹ ломки старых отношений, идею сакрального вытесняют и заменяют «божественное», «святое», «религиозное»².

Конечно, представление о сакральном, как всякое явление человеческой культуры, имели свою историю, без отрыва от которой рассматривать это явления не вполне корректно. Сакральное анимистической эпохи отличается от сакрального периода упадка родового строя и тем более от священного исторических религий. Между тем, «поле деятельности» сакрального не ограничивается рамками лишь религиозной сферы и сознания. Скорее наоборот: религиозное вытекает из сакрального, являясь лишь его частью, не способной отобразить все особенности целого. Сакральное отражает не столько религиозную жизнь, сколько культурную, духовную. Духовное – ближайший синоним сакрального, хотя понятие духовного тоже требует своей расшифровки. И как духовное есть сфера преломления некой действительности, существующей вне зависимости от форм ее выражения, так и идея сакрального имеет свой универсальный и внеисторический общечеловеческий стержень.

Чтобы понять какое-то явление, нужно выйти за его пределы, охватывая его целостно, «со стороны». Появление термина «сакральное», описывающего целый комплекс фактов духовного, культурного порядка, связано с проникновением позитивистских методов в антропологию. Только освободившись от сакрализации чего-либо,³ человек, благодаря науке, начинает выявлять сакральное как некий факт. С другой стороны, необходимо признать, что сакральное постоянно пытается ускользнуть от беспристрастного исследователя, вооруженного скальпелем анализа. Поэтому мир без сакрального, каким он был по большей части в XX веке, вулканировал новыми и хорошо забытыми старыми эманациями этой первопотенции культуры. Стало очевидным, что сознание принципиально не способно выстраивать картину мира без обозначения чего-либо как сакрального; даже там, где, казалось бы, человек отступает от мифов и стереотипов традиционного мышления, идея сакрального неотступно следует за ним. Законченная картина бытия строится, исходя из какой-то точки отсчета, без которой упорядоченный мир рассыпается на атомы. Поэтому любая философия, каждая сформировавшаяся идеология неизбежно вращается вокруг определенного принципа, принимаемого как абсолютное, всеобщее и ценное (ценное не как «имеющее цену», а как бесценное, сверхценное).

Обращаясь к истокам идеи сакрального, обнаружим, что она далеко не позитивна. Архаические традиции понимали сакральное двояко: как благое, так и опасное; как носитель силы творения и изобилия, так и чреватой смертью, или разрушением. Из этой амбивалентности вытекало, что общение с сакральным требует специфической практики и может быть поручено лишь специалистам. Религиозные институты всех времен и народов служили орудиями, упоря-

¹ Осевое время – термин из философии истории Карла Ясперса, период важного слома в глобальных общественных процессах. Для Ясперса таким осевым временем (а мы можем сказать «сакральным временем», ведь ось – символ центра вращения, она похожа на такие устойчивые символы сакрального как мировое древо или гора) был 5 в. до н. э. – 1 в. н. э. Современное состояние мировой истории тоже может претендовать на роль нового осевого времени.

² Хотя такая замена не может считаться полноценной. Она неизбежно упускает многие аспекты сакрального, которые не передают термины «божественное», «святое», «сверхъестественное» и т. п.

³ Кроме собственно разума, познающего начала. Но может ли разум быть одной из потенций сакрального? Этого вопроса мы коснемся в заключительной главе.

дочивающими связь общества с сакральным (не случайно одна из этимологий слова «религия» от лат. «*religare*» – связывать, соединять; тот же смысл имеет и индийское «йога» – от «*yuga*» – упряжка, пара; но, как далее мы увидим, сакральное – не только «связь», но и «разделение», «разъятие»).

Сакральное не сводимо не только к благому (позже трансформировавшемуся в божественное, или святое), но и к сверхъестественному, т. к. часто объектами поклонения становятся явления и факты природы. Сакральное не может считаться и трансцендентным: иногда оно далеко и незримо, а порой вдруг являет себя как бог из машины или черт из табакерки. Даже обыденное, профанное нельзя считать чем-то совершенно противоположным сакральному, поскольку эти явления располагаются на одной шкале, где существует некая близкая к нулю точка угасания силы (профанное) и максимум силы за незримым горизонтом сакральности⁴. Само различие вещей и явлений мира, все разнообразие бытия можно наложить на эту шкалу; сакральное является не просто творящей мир силой, но и властью, внедряющей в мир иерархию, что с греческого и означает «священная власть». Даже в первобытную эпоху, когда социальная иерархия была мало проявлена, мировоззрение, тем не менее, выделяло, по крайней мере, три уровня Космоса, которые условно можно назвать Сверхбытием, Бытием и Небытием. О сакральном уверенно можно сказать только то, что это «сила», проявляющаяся как «воля» (а значит, нечто, что нельзя игнорировать) и что оно иррационально.

Понятие сакрального в язык науки ввел немногим более ста лет назад Эмиль Дюркгейм. По мнению ученого (который также был одним из основателей социологии), сакральное есть социальное. Эта идея очень важна, но все-таки не выражает всей сущности интересующего нас явления. Несомненно, сакральное выступает связующим началом, осью, вокруг которой формируется любое общество. Но другой исследователь сакрального, Рудольф Отто, называет священное «совершенно иным», подчеркивая его нуминозность (от лат. *numen* – безличная божественная сила, синоним понятия бог) – способность впечатлять, ужасать, подчиняя своей воле. Отто указывает на важнейшее качество сакрального – иррациональность. Это явное попадание в десятку, ведь и Дюркгейм отмечал, что общество творит себя в состоянии душевного подъема, возбуждения⁵.

Характерно, что основные исследователи сакрального были французами, которых всегда отличал интерес к иррациональному. И наряду с развитием идей экзистенциализма, им принадлежит пальма первенства в исследовании сакрального. Те немногие нефранцузы, уделявшие внимание сакральному, были либо иррационалистами (немец Р. Отто), либо слишком углублены во французскую культуру (М. Элиаде, М. Бахтин). Единственным англичанином с интересными для нашей темы идеями мне представляется Виктор Тэрнер, изучавший «лиминальные обряды», то есть переходные точки в жизни архаических обществ. Рационалистические научные концепции, как правило, вовсе не замечают сакрального, успешно (как им видится) заменяя его такими категориями как «божественное», «религиозное», «символическое» и т. п. Однако, как социальное не есть совокупностью многих индивидуальностей, так и сакральное не сводимо к простому сплюсовыванию его проявлений.

Цельность, а потому и количественную неизмеримость, следует считать важным качеством сакрального. Не случайно основоположник традиционализма (еще одна иррациональная

⁴ Г. Беккером была разработана схема разграничения сакрального по степени интенсивности – от святого до «нормального» у нулевой точки. См. Современная западная социология. – М. 1990, с. 306.

⁵ «Дюркгейм отмечает, что общество творит религию, будучи в состоянии возбуждения». Р. Арон. Этапы развития социологической мысли. И., 1993, с. 358. – «Общество, выступающее объектом религиозного поклонения, больше не представляет собой конкретной реальности; это идеальная реальность, отражающая то, что остается в реальном обществе от не полностью реализованного идеала. Но в таком случае не общество проясняет понятие священного, а понятие священного, дарованное человеческому разуму, преобразует общество, как оно может преобразить любую реальность».

философия с французскими корнями) Рене Генон называл современную цивилизацию «царством количества», которое противопоставляется качеству как сакральному началу.

Наиболее авторитетным исследователем сакрального после Дюркгейма следует считать Мирчу Элиаде. В отличие от Дюркгейма, Элиаде интересовал другой аспект сакрального – его связь с абсолютным, всеобщим. Для Элиаде сакральное есть абсолютное творческое начало бытия. Именно так это воспринималось архаическими обществами, где миф и ритуал являются основными формами взаимодействия с сакральным. Здесь мы подходим к теме «двух сакральных», одно из которых удалено от социума, а другое – укоренено в нем (см. Сакральное и сакрализованное). Обряды, священные повествования, реликвии, храмы, жрецы и жертвы – всё это социальная сторона священного, которая призвана играть роль своеобразных антенн и приемников, настроенных на сигналы абсолютного источника сакральной силы.

Важным вопросом изучения сакрального является его соотнесение с символическим. По словам Жильбера Дюрана, *«символ это образ, раскрывающий скрытый смысл. Это богоявление таинства»*. *«Символ есть самостоятельная действительность»* (А. Ф. Лосев. Диалектика мифа); символическое есть мифологическое, *«мифы, созданные древним мышлением строятся на логике двойственности, многозначности. Эта логика – и ее средства выражения, символы – позволяет выразить сложность реальности»*⁶. Собственно, символ в своем изначальном смысле означает «лежащее рядом» (греч. symbolon – знак, опознавательная примета; symballo – соединяю, сталкиваю, сравниваю). Как сакральное не может быть полностью раскрыто, так и символ всегда содержит в себе «что-то еще», являясь своеобразной дверью в нечто иное⁷. Клод Леви-Брюль, характеризуя первобытное мышление, указывал на его свойство мистической сопричастности – одно здесь может представляться чем-то другим одновременно. Например, душа – бесплотная субстанция, но в то же время может принимать вид бабочки, или любого другого животного. Одно не исключает другого. Двойственность сакрального отражена и в терминах, связанных с духовной деятельностью. *«Нильс Бор, на протяжении всей своей жизни много размышлявший о структуре языка, полагал, что ключевые слова естественного языка, относящиеся к психической деятельности человека, всегда используются хотя бы в двух (если не более) разных смыслах – например, „воля“ в значении „желания“ и „свободы“, „возможности осуществлять желания“ (русское вольному воля). Бор полагал, что каждое такое слово тем самым относится хотя бы к двум разным „плоскостям“ деятельности»*⁸ (см. также «Сакральное слово»), что наводит на мысль об изначальной связи сакрального и психического (можно допустить, что в основе любого психического явления лежит восприятие чего-либо как сакрального; сознание формируется вокруг определенных ценностей и табу, но те же основы можно выявить и в бессознательном, о чем свидетельствует теория юнговских архетипов; между бессознательным и сознанием нет пропасти, мостиком между ними выступает сакральное). *«Типичным способом феноменологического описания сакральных образов является использование тропов, прежде всего, метафор и метонимий»*⁹. Сакральное и символическое характеризуются вечным двоением, неуловимостью, указывая на его родство с иррациональным и абсурдным. Как М. Элиаде выявил свойство мифа «вечно возвращаться», так мы отметим свойство сакрального «вечно двоиться», вплотную подводящее к такому интересному явлению как «точка бифуркации» (см. «Культура и хаос»).

Творческое состояние, постановка перед выбором – характерные свойства сакрального, а вернее – его явлений в мир. Интересно, что греки, открывшие нам Логос, науку и филосо-

⁶ Л. Куллубаритси. Цит по: Патрик Труссон. Сакральное и миф. <http://www.nationalism.org/rusaction/lib3.htm>.

⁷ Ф. Гиренок считает, что в современной культуре стерта разница «между знаком и символом», между тем как спецификой символа является указание на сверхреальное. Гиренок Ф. Аутография языка и сознания. – М. МГИУ, 2010. – С.176

⁸ В. В. Иванов. Чет и нечет. – М., 1978, с. 46

⁹ А. П. Забияко. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. XX ВЕК. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В ДВУХ ТОМАХ. Главный редактор и составитель С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998

фию, фактически начавшие процесс десакрализации мира, одновременно открыли и личность, индивидуальное субъектное Я, которое пребывает в некоем автономном от тела существовании¹⁰. Таким образом, рационализм является непрерывным творческим состоянием, своеобразной священной болезнью, вынуждающей субъекта непрерывно утверждать себя как некий центр, поскольку все иные центры потеряны. Если первобытный маг осуществлял путешествия в иные миры, находясь в мистическом экстазе, то такое отделение души от тела воспринималось как ритуальное состояние. Рационалист же обречен на то, что его душа (самосознание) блуждает всегда (нигилизм, цинизм), либо все-таки прибывается к какому-то иррациональному берегу (см. «Индивидуальное сакральное»). Вероятно, поэтому, когда одни воспринимают сакральное как состояние целостности (М. Элиаде), другие – как несущее ощущение разъятости, разорванности (Ж. Батай). Фактически оба этих качества присущи сакральному (см. «Сакральное слово»).

Поскольку сакральное иерархично, оно должно рассматриваться в комплексе своих проявлений, в основе которых лежит особый опыт (см. «Сакральное, мистическое и магическое») восприятия воли сакрального – то, что у Отто названо нуминозным. Далее следует трансформация этого опыта в социальных символических актах (см. «Сакральное и сакрализованное»), приводящие к объективации воли сакрального в определенных объектах, субъектах и действиях (см. «Сакральное и сакрализованное»; «Человек священнодействующий»). Как пишет Патрик Труссон, *«прежде чем стать предметом анализа современных человеческих наук, сакральное соответствует совокупности индивидуального и коллективного поведения, относящемуся к самым далеким временам человечества. Этому поведению соответствуют три уровня: психический индивидуальный опыт; воплощение этого опыта в виде символических структур и, наконец, культурные функции сакрального, т. е. коллективный и коммуни-тарный аспект. Когда мы говорим о сакральном, в голову приходит вопрос о его происхождении, о том какой облик оно может принимать. Прежде всего, можно утверждать, что если сакральное выражается в культурном плане в виде мифов и обрядов, что в более позднее время уступило место внешней передаче языка и обычаев, то оно также всегда требует изначального внутреннего состояния»*¹¹. О том, какой облик может принимать сакральное, мы и поговорим в этой книге.

¹⁰ На эту тему интересна книга Э. Р. Доддса «Греки и иррациональное» (СПб, 2000).

¹¹ Патрик Труссон. Цит по: Патрик Труссон. Сакральное и миф. <http://www.nationalism.org/rusaction/lib3.htm>.

Сакральное в языке

Список понятий, связанных с идеей сакрального, достаточно велик. Хотя не каждая традиция (язык) имела особый специальный термин для обозначения сакрального: оно могло размываться/теряться в целом наборе слов, обозначающих в своей совокупности то, что мы имеем, вслед за латинянами, сакральным. Архаические традиции и языки не обладали уровнем абстрактности, присущим нашей речи, поэтому не стоит в каждой из традиций искать прямой аналог привычного нам термина «сакральное», который представлен обычно целым спектром слов, указывающих на различные аспекты данного явления¹². По словам Э. Бенвениста *«многие из наиболее древних языков обладают двойным, но особым для каждого языка выражением, двумя терминами, выражающими двойной аспект «священного» в греческом – *Ieros* и *ayios*, в латыни – *sacer* и *sanctus*, в авестийском – *spanta* и *yaozdata*»*¹³.

Анализируя данные разных языков, часто генетически очень отдаленных, можно установить, что сакральное обычно связывается с набором понятий со следующими значениями:

1. Божественное, благое, позитивное, светлое
2. Опасное, запретное, закрытое, скрытое, тайное, отдельное
3. Жертвенное, посвященное (богам)
4. Сила, сильное, власть, закон, порядок, древнее, начальное
5. Творение, творчество, рожающее, изобильное, богатое.

Часто в словах, связанных с идеей сакрального, актуализируется не одно, а несколько значений из приведенных рядов понятий. Рассмотрим это на примерах.

1. Некоторые исследователи заостряют внимание именно на этом аспекте сакрального – «благое, позитивное, божественное». Однако такая интерпретация сакрального принадлежит достаточно поздним взглядам, порожденным, как правило, единобожием. Славянское «бог» связано с санскритским *bhaga* – «одаряющий, наделяющий», в свою очередь происходящему от *bhagas* – «достояние», «счастье». Как видим, в индийском варианте этот корень тоже связан с идеей богатства, блага. С другой стороны, понятие «благо», «благодать» связано с «блаженный» – наделенный божественной благодатью, но и «безумный», «юродивый», а также с «блажь» – глупость, странность¹⁴.

2. В латинском *sacer* актуализирован «двойственный характер «священного» – это и посвященное богам, и отмеченное неистребимой запятнанностью, величественное и проклятое, достойное почитание и вызывающее ужас»¹⁵. По словам Э. Бенвениста, *sacer* связано с приношением жертв, *«чтобы сделать животное «священным», необходимо его изъять из мира живых, нужно, чтобы оно перешло порог, разделяющий два мира, – в этом цель умерщвления»*.

¹² К. Хюбнер приводит целый набор древнегреческих понятий, которые выражали различные аспекты сакрального. «Для человека мифической эпохи всюду обнаруживает себя игра неодолимости и мощи, крейтон (*Kreitton*), он всюду ощущал себя ареной нуминозного действия и бытия. Он даже способен мыслить себя как тейон (*Theion*), как исполненное богом существо» (К. Хюбнер. Истина мифа – М., 1994, с. 116). «Лишенный святости, *aphretor*, *athemistos anestio*, – это человек без рода, без закона, без очага; именно в такой последовательности стоят данные слова, образуя как бы устойчивую формулу. Не иметь рода значит быть лишенным нуминозного *Kydos* и *Olbos*, в которых содержится даваемая богами идентичность рода, то есть вообще не иметь собственного лица» (там же, с. 109). «В тесной связи с кидосом, тиме, *Euchos* и *Kleos* находится олбос (*Olbos*). Подспудно олбос означает богатство, благополучие, счастье» (там же, стр. 107). Замечу, что это еще не все проявления сакрального у греков. Другие народы имели также свои представления о многообразии сакрального опыта. У Э. Бенвениста также приводится множество терминов, использовавшихся разными индоевропейскими традициями для описания проявлений сакрального.

¹³ Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов, М., 1995, с. 358

¹⁴ Есть соблазн найти связь между славянским «благо», «блажь» и ведическим «Брахман». Имеются такие формы как «рахманы» – блажины, «рахманный» – ласковый, добрый, но «балахманный» – глупый, безумный, странный. Тему юродства и «священного безумия» мы рассмотрим в главе «Человек священнодействующий»

¹⁵ Э. Бенвенист, с. 348

Отсюда столь глубокое для нас значение термина *sacerdos*, восходящего к *sacro-dhot-s* и образованного от корня *dhe* «делать, ставить», откуда «делать эффективным, исполнять» (ср. *facio*). *Sacerdos* есть действующее лицо в *sacrificium* – тот, кто облечен властью, разрешающей *sacrificare* «приносить жертву»¹⁶. Возможно, латинское «*sacer*» можно сблизить с протоиндоевропейским корнем «сек», сохранившем в русском языке свое значение в таких словах как «отсекать» – отделять, отрезать часть от целого, «сечь» – бить, пороть, резать, разделять, «сечение» – разрез. Ср. с имеющими латинское происхождение «секция», «сектор» (но русское «отсек», «сусека», имеющие сходный смысл). С другой стороны, латинское *Sacer* может быть связано с «сокровенным», «скрытым»: франц. *secret* – тайна, секрет от латинского *secretum* – тайна, секрет, от *secretus* – тайный, скрытый, сокровенный, от *seceper* – отделять, уводить, от *seper* – различать. Как видим, один и тот же термин, обозначающий в латинском сакральное, указывает одновременно на сокрытие и на отделение, отсечение. Инструментом рассечения во многих случаях выступал священный топор; ср. «секира», укр. «сокира» – топор. В эгейской культуре известен в качестве священного символа двойной топор – лабрис; он же – символ Лабиринта – священного сооружения, известного по мифу о Минотавре¹⁷. Латинское название храма *templum* «пространство; святилище» предположительно восходит к праиндоевр. *tem* «отрезать» или *temp* «растягивать» (отсюда и «*tempus*» – время; вероятно как то, что имеет свойство непрерывно растягиваться, тянуться; время – один из основных модусов сакрального). То же значение актуализировано в греческом «теменос» – храм. «В узком смысле слова «теменос» – это район храма. В слове «теменос» корень «тем» – «резать». Впрочем, такой же корень имеет латинское слово «*templum*» (храм)»¹⁸.

Как известно, «царь» в индоевропейских традициях (и некоторых других; множество примеров этому можно найти у Дж. Фрэзера в «Золотой ветви») первоначально был священной фигурой, то есть прежде всего верховным жрецом, олицетворявшим благодать своего общества. Поэтому заслуживает внимания факт, что название царя в индоевропейских языках (лат. *rex*, инд. *Raja*, ирландск. *rí*) означало «проводящий пограничные линии прямыми чертами»¹⁹.

На такое качество сакрального как «отдельность, отделенность», указывают и религиозные мыслители: «когда вслед за Таинствами мы именуем святым многое другое, то имеем в виду именно особливость, отрезанность от мира, от повседневного, от житейского, от обычного – того, что называем святым... Святой – это прежде всего „не“. Этому „не“ в понятии святости соответствует и самое производство еврейского слова „кодеи“ (святой) или „кадои“ (святенья). Глагольный корень „кди“ сблизжают с корнем „хди“, так что обоим приписывают значение „инобытия“. Первый – в противоположность тому, что обычно, второй же – в противоположность тому, что было»²⁰.

3. Идею жертвы можно считать ключевой в корпусе явлений, связанных с сакральным. «Священное» неразрывно связано с «посвящением» – актом принесения в жертву человека, либо специально подготовленного животного, символизирующего послание общества

¹⁶ Э. Бенвенист, там же

¹⁷ Культ лабриса отмечен также в Малой Азии и на Ближнем Востоке уже во 2 тыс. до н. э. Изображения лабриса встречаются на монетах из Лидии и Кари. Лабрис был символом хеттского бога грозы Тешшуба (у тех же хеттов находим истоки еще одного сакрального символа с дуальной природой – двуглавого орла). В Хеттском царстве существовало имя собственное и одновременно титул царей Лабарна, или Табарна. Табарна/Лабарна приводит нас к возможному родству терминов «лабрис» и «топор». Отметим, что идея лабиринта тоже связана с жертвоприношением (их объектом по мифу выступал Минотавр) и сокрытием, секретом (блуждание по лабиринту символизирует закрытость, недоступность); в эпосе осетин злой нарт Сырдон скрывался в подземном лабиринте. Согласно энциклопедии «Мифы народов мира», богиня смерти у вемале (Восточная Индонезия) «осудила людей, заставив их пройти к ней сквозь девятиступенчатый спиралевидный лабиринт, символизирующий у многих народов смерть»).

¹⁸ К. Хюбнер. Истина мифа – М., 1994, с. 144

¹⁹ М. Попович. Мироззрение древних славян. – Киев, 1985, с. 22

²⁰ П. Флоренский. Цит. По А. И. Осипов. Святыне как знак исполнения Божия обетования человеку

источнику нуминозного опыта. Замена целого частью – суть «симпатической магии» и тропа метонимия; вспомним «козла отпущения» и греческую трагедию как «песнь козла». Здесь жертва выступает менее ценной частью социального – козел (как домашний скот) вместо героя. Не исключено, что в этой же связи сатана и черти представляются козлинообразными, это свидетельство инверсии религиозных взглядов, совершившейся при переходе к христианству. По словам К. Хюбнера, «посвятить» нельзя понимать иносказательно, речь всегда идет о жертве, *«что под этим подразумевается, показывает происхождение немецкого слова „weichen“ (посвящать), которое происходит от „weich“ (мягкий), и это значит „святой“. „Weich“, по-средневерхненемецкому wich, по-староверхненемецкому wih, по-готски weichs, связано с латинским словом victima (жертвенное животное) и характеризуется тем самым „посвященное к жертве“, и значит наполненное божественным существом. Но такое наполнение имеет всегда специфическую силу излучения»*²¹.

О том, что жертва и жрец не всегда и не обязательно должны быть разделены, мы поговорим в главе «Человек священнодействующий». Жертва есть послание, объект/субъект (следует подчеркнуть, что там, где речь идет о сакральном, отсутствует деление на субъект и объект. Собственно, само такое деление – изобретение рационалистического мышления, которое и знаменует начало десакрализации) обмена с сакральным миром. Но и сам этот сакральный мир является результатом некогда свершившегося мифического первособытия, как правило, связанного с жертвоприношением (обычно разрыванием, расчленением) первосущества. Заметим, что первособытие есть акт разъединения частей первосущества, что символизирует внесение порядка в первичный хаос; анализ как космический принцип упорядочивания – в противовес хаотическому принципу синтеза. Таким образом, весь мир во всей его полноте представляется результатом жертвоприношения, все элементы мира – как части жертвенного существа, а смысл жизни общества сводится к необходимости поддерживать и укреплять космическое равновесие через принесение жертв. Можно понимать это в социологическом дюркгеймовском ключе: чтобы общество состоялось, оно должно регулярно жертвовать частью себя, укрепляя тем общий дух, составляющий саму суть социального²². Парадокс данной интерпретации в том, что жертва – не профанное (то есть индивидуальное начало), но тоже сакральное; для поддержания мирового порядка следует жертвовать лучшим, достойнейшим. *«Жертвенный пир порождает в участниках „божественное укрепление“, – пишет В. Гронбех. – Трапеза перед лицом бога распространяет в народе счастье, благодать радость. Ее сила исходит от жертвенного животного, священное мясо которого поедается только тогда, когда боги находятся среди людей». Таким образом, мифический жертвенный пир является таким же причастием божеству, как и христианская евхаристия...»*²³ Поскольку еще один важный смысл сакрального – «целый, полный», то представляется, что мир без жертвы приобретает ущербность, а ритуалы жертвоприношения призваны придать бытию ускользающую полноту, восстановить равновесие, устранив перекося в сторону профанной, обыденной жизни. Каждый акт жертвоприношения является не просто повторением первособытия, но и схемой, демонстрирующей обществу алгоритм появления всего нового в «мире сем» – через разъятие существующего, выступающего метафорой хаоса. Таким образом, космос без жертв превращается в хаос, а жертва обновляет упорядоченный мир.

²¹ К. Хюбнер, С. 106

²² «Жертвоприношение защищает... коллектив от его собственного насилия, оно обращает весь коллектив против жертв, ему самому посторонних.... Существует общий знаменатель жертвенной эффективности – тем более явный и решающий, чем более живым остается этот институт. Знаменатель этот – внутреннее насилие: жертвоприношение пытается устранить раздоры, соперничество, зависть, ссоры между братьями, восстанавливает в коллективе гармонию, усиливает социальное единство» (Р. Жирар. Насилие и священное. – М., 2000, с. 15).

²³ К. Хюбнер, с. 174

4. Сила есть то, что производит власть, а власть устанавливает порядок. И сакральное, как сила, устанавливающая свою власть и порядок, тесно связано с этими понятиями. Поскольку эта власть тянется «от века», то есть изначальна, сакральное также может означать «первичное», «древнее». Именно таков смысл греческого «архе», которое как «древность» (актуализировано в таком слове как «археология»), так и «власть» (в словах «анархия», «монархия» и др.). По мнению К. Хюбнера, *«архе – это история происхождения. Когда-то некое нуминозное существо впервые совершило определенное действие, и с тех пор это событие идентично повторяется»*²⁴. Для архаического человека законы природы и установления общества имели единый источник – в священном. *«Архе является единственным в своем роде событием, которое постоянно и неизменно повторяется. Законы же природы и правила – нечто общее. Таким образом, можно сказать, что начало – это нечто конкретное, а закон природы и правило, поскольку они оторваны от чего-то индивидуального, – нечто абстрактное. Мифическое мышление объединяет здесь общее с особым»*²⁵. Архе есть первособытие, изменившее мир и внесшее в него новый порядок до той поры, пока очередное вторжение архе не изменит его.

*«Hieros имеет индоевропейскую этимологию, которая приписывает ему значение, не отраженное даже в словоупотреблении. Решающую роль в этом играет санскрит. Hieros (hīaros) (эолийская форма) фонетически соответствует ведийскому isirah, и качество этого сопоставления таково, что, несмотря на семантические трудности, его никогда не оспаривали. Ведийское прилагательное isirah выражает качество, определяющее некоторых божеств и мифических персонажей, а также ряд религиозных понятий. Перевод колеблется, но так или иначе связан с понятием «силы», «живости»*²⁶.

Славянское «святое» является положительной светлой силой, которой обычно обладают светила, огонь и боги (распространенный у индоевропейцев корень-наименование богов «дева», «тео» связан с днем, светлой частью времени, но он звучит также в слове «давать»), «санскр. *ṣvi* – „блестеть, сиять“; в Ведах *usa aṣvait* – „заря засияла“; *ṣvit* – „быть белым“; зендск. *ṣrī* вместо *ṣvi* – „очищать“; откуда с суффиксом *nta* произошло *ṣrenta* – „святой“; санскр. форма этого слова была бы *ṣvīnta* или *ṣvēnta*: т. о., святой значит собственно сияющий или очищающий»

²⁴ К. Хюбнер, с. 122

²⁵ К. Хюбнер, с. 126

²⁶ Э. Бенвенист, указ. соч., стр. 349

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.